

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНИ КАК КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ж.Т. ТОЩЕНКО

Что собой представляет современная российская социология? Есть ли у нее общепризнанная теория или она подразделена на многочисленные научные школы, которые по-разному трактуют ее методологические основы, объект и предмет науки? При любой попытке ответить на эти вопросы, можно назвать имена тех, кто известен как социолог и в нашей стране, и за рубежом, кто имеет общепризнанные труды, у кого за плечами крупномасштабные исследования и кем получены значительные и интересные результаты. Но теории или школы, которые отразили бы все многообразие современной социологии, характеризовали принципиальные отличия между ними, вряд ли можно назвать. С точки зрения западных коллег, мы все на одно лицо: мы марксисты или бывшие марксисты (последнее утверждение не отменяет первое). Вот почему в литературе мы встречаем заявления, которые если и не отрицают существования социологии в России, то подвергают сомнению существование в ней теоретической мысли (А. Филиппов, В. Вахштейн).

Прежде чем приступить к анализу современного состояния социологии, напомним два момента в ее развитии. Когда мы говорим о наших коллегах за рубежом, мы всегда встречаемся с описанием (характеристикой) структурного функционализма, теорий социального действия, конфликта, (нео)бихевиоризма, феноменологической социологии, этнометодологии и т.д. Все они имеют свое особенное толкование базовых теоретико-методологических и методических принципов, используют свой особенный набор методов познания, свои подходы к построению и применению социологического инструментария¹. Иначе говоря, наши западные коллеги в совокупности предстают пред нами как букет самых разнообразных концепций, сосуществующих друг с другом, полемизирующих между собой, отстаивающих ценность и значимость своих исходных аргументов и посылок. Причем процесс обновления и появления новых школ не прекращается. Более того, в известном смысле он интенсифицируется, ибо за последние четверть века мы стали очевидцами возникновения новых концепций – глобалистики, постмодернизма, новых институционалистов и др.

Аналогичную картину по многообразию концепций и теорий мы имеем, когда анализируем историю русской социологии XIX – начала XX вв. Нам известны различные школы, выражающие идеи экономического и географического детерминизма, школы, придерживающиеся этико-субъективной концепции, органицизма, психологизма и т.д.² Наши предшественники оставили после себя удивительное по объему и содержанию богатство идей, представлений, трактовок происходящего. Возможно, такое многообразие идей объясняется тем, что их творцы пришли в социологию из разных наук – философии, истории, права, – и в той или иной степени учитывали достижения своей отрасли научного знания.

Когда же мы переходим к советской или современной российской социологии, мы встречаемся с удивительным явлением – отсутствием аргументированных методологических различий при трактовке базовых теоретико-методологических оснований, затрагивающих принципиальные вопросы, прежде всего, предмета и объекта социологии. Нужно особо подчеркнуть, что до определенного времени отсутствие различных концепций в отечественной социологии можно было объяснить тем, что все мы официально были социологами-марксистами, поскольку исходили из господствующей идеологии, исключающей возможность существования любой другой. И если в рядах социологов обнаруживались разночтения, то их пытались объяснить тем, что некоторые исследователи: 1) не совсем усвоили суть марксистской доктрины; 2) некритически воспринимают опыт социологической мысли Запада; 3) недостаточно подготовлены для социологического изучения социальной действительности. И хуже всех приходилось тем, кого подозревали в сознательном искажении марксистской теории – тогда приводились в действие санкции, которые стали характерной чертой общения социологов с официальной властью в 1960 – 1970-е годы³.

Однако если более обстоятельно разобраться в этом вопросе, мы все же не так однолики и однообразны, как может показаться на первый взгляд. И в советской, и в российской литературе по-разному трактовались и трактуются исходные основополагающие позиции, которые касаются анализа объекта и предмета социологии, уровней и структуры социологического знания, понятийного аппарата социологии, соотношения нашей дисциплины с другими науками и в первую очередь с философией. Более того, в 1970 – 1990-е годы прошли жаркие дискуссии о теоретико-методологических основах социологии, в которых

наиболее активное участие приняли Г.М. Андреева, В.Я. Ельмеев, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Е.Ф. Молевич, Г.В. Осипов, М.Н. Руткевич, Ж.Т. Тощенко, А.Г. Харчев, В.А. Ядов и др.⁴, которые выразили достаточно серьезно различающиеся между собой точки зрения.

I

Так какие же мы на самом деле? Попытку осмыслить российские реалии социологической мысли предпринял в своей последней работе А.Г. Здравомыслов, который предложил свое видение этапов и особенностей развития отечественной социологии во всем ее противоречивом развитии⁵. Наш анализ имеющихся концепций и точек зрения позволяет выделить основные подходы, имеющиеся в отечественной социологической литературе.

Во-первых, достаточно широко распространена точка зрения, когда не различаются объект и предмет социологии, в результате чего предметом социологии объявляется общество или акцент делается на «общих и специфических социальных закономерностях организации, функционирования и развития общества, путях, формах и методах их реализации в действиях и взаимодействиях людей, их общностей и общества в целом»⁶. Серьезным недостатком такого подхода является воспроизведение де-факто позиции социологов XIX века, которые претендовали на то, что только социология изучает общество, мало или совсем не обращая внимания на его исследование другими науками, такими, как философия, история, экономические науки, право и др., и эти науки не замедлили высказать свои претензии к экспансионистским взглядам социологов. Просто поразительно, что этот подход сохраняется и поныне, в том или ином виде, как будто не было иных, принципиально новых результатов, полученных социологами еще в начале XX века, когда научная мысль подошла к необходимости сузить предмет претензий социологии до более скромных формулировок, когда предметом, исходной позицией социологии стали считать «социальный факт» (Э. Дюркгейм), «социальное действие» (М. Вебер) и т.д.

Этот подход, как ни странно, совпал с позицией ортодоксального марксизма, который отождествлял социологию с историческим материализмом (социальной философией), объявляя ее объектом и предметом общество⁷. Эта точка зрения сохраняет своих сторонников и в настоящее время⁸. В результате в настоящее

время мы имеем парадоксальный факт: такой позиции придерживаются (объект социологии — общество) две не признающие друг друга группы в социологии — ряд социологов, ориентирующихся на западные концепции, и вместе с ними бывшие «истматчики» и часть «научных коммунистов», которые волею судеб примкнули к социологии в силу сложившихся объективных и субъективных обстоятельств.

Во-вторых, получил распространение системный, комплексный подход, согласно которому объектом социологии объявляются многообразные социальные системы, т.е. так или иначе упорядоченные совокупности взаимоотношений людей, в том числе и такая социальная система, как общество. При этом следует отметить, что в рамках этого подхода имеются свои нюансы и особенности. Один из них связан с тем, что «понятия социального, социальных связей и отношений и способа их организации являются исходными для понимания отличительных особенностей предмета социологического знания, а социальных закономерностей — для понимания его сущности». Исходя из этого, задачей социологии объявляется «типологизация социальных систем, исследование связей и отношений каждого социального объекта на уровне закономерностей, получение конкретного научного знания о механизмах действия и формах проявления этих закономерностей в различных социальных системах для целенаправленного управления их поведением»⁹.

Еще один подход — исследование социальной сферы, социальных процессов и социальных отношений — восходит к работам В.П. Рожина и В.П. Тугаринова¹⁰, которые выделили сферу социального как самостоятельную наряду с экономической, политической, духовной, что отражало принципиально новый подход к трактовке предмета социологии — им становилось не все общество, а только одна из его частей, или один аспект — социальный. На этой базе была выдвинута концепция исследования социальных отношений и всей социальной сферы как объекта и предмета социологии, которая в наиболее полном виде — но уже не в философском, а в социологическом ключе — была выражена в трудах Г.В. Осипова. Его кредо становится анализ *социальной реальности как «сложившейся во всем ее бесконечном многообразии, объективизация субъективной деятельности человека, являющаяся частью экосистемы»*¹¹. Все многообразие явлений и процессов социального мира предлагается рассматривать через четыре основных вида взаимодействия: экономическое, социальное, политическое

и духовно-нравственное, каждый из которых имеет свою структуру, свои особенности и выработанные в процессе познания специфические методы исследования и измерения. К трактовке социальной реальности, ее взаимодействий с другими системами Г.В. Осипов возвращается неоднократно, утверждая идею о ее человеческом измерении. Эта точка зрения была поддержана многими исследователями и связана с желанием придать социологии социально-прикладную функцию, которая выражала бы активность социологической теории и ее участие в практической, преобразовательной деятельности общества¹².

Получил распространение и подход, в котором *центральным звеном объявлялись социальные институты и социальная структура во всем их многообразии* (классы, социальные группы, социальные общности, социальные слои, когорты, поколения и т.п.). Наиболее ярко это выражено в работе В.А. Ядова: «Социология — это наука о становлении, развитии, изменениях и преобразованиях, о функционировании социальных общностей и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта; наука о социальных отношениях между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения»¹³. Эти идеи в той или иной мере нашли отражение и поддержку в работах З.Т. Голенковой, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, Г.Е. Зборовского, А.И. Кравченко, Р.В. Рывкиной и др.

В 1990-е годы выросли и получили развитие *конфликтологические концепции*¹⁴, которые по-своему трактовали специфику современного состояния России. Этот подход был дополнен многочисленными и скороспелыми попытками отказать от советского наследия. Однако, как показывает анализ, эти новейшие трактовки социологической науки, по меткому выражению Р.В. Рывкиной, означали не что иное, как достаточно примитивное «примыкательство», причисление себя к западным концепциям социологии — то к понимающей социологии, то к структурному функционализму, то к теории конфликтов, то еще к чему-нибудь, что представлено в концепциях наших западных коллег (ибо восточных мы не знаем). Не менее верно замечание Е.С. Баразговой: «Молодые социологии, усваивая веяния западной социологии, становятся в большей мере эпигонами, нежели создателями национальной социологической школы»¹⁵. Более того, как ни удивительно, у нас появились россий-

ские(?) учебники и учебные пособия по социологии, в которых ни разу не упомянуто слово Россия.

II

Если попытаться построить классификацию многочисленных концепций, подходов, трактовок содержания социологической науки, которые накоплены в мировой и отечественной социологии, то их многообразие можно свести к трем *основным парадигмам* — *социологическому реализму* (объект исследования — общество, социальная структура, социальные институты), *социологическому номинализму* (объект исследования — индивид, личность, человек, социальные группы и общности) и *социологическому конструктивизму*, который начал интенсивно развиваться с конца XX века.

Поясним их сущность и остановимся на этом подробнее.

Что касается *социологического реализма*, то его идеи восходят к О. Конту и Г. Спенсеру, основоположникам открытой ими науки. Центральное понятие — общество и его производные — социальная структура, социальные общности, социальные институты — стали важной областью получения социологического знания. Но, как показало время, трактовку объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество» не только невозможно операционализировать, но такой подход слабо или совсем не отвечает на многие вопросы: понятийный аппарат «плывет», включает в себя слишком разные сущности, а многие из них размываются временем, серьезно видоизменяются, а иногда и теряют своей первоначальный смысл. Ведь даже такое классическое понятие, как социальная структура, в настоящее время мало что выражает, ибо а) многие ее элементы в современной ситуации исчезают; б) ряд ее элементов серьезным образом видоизменился; в) появились новые, ранее неизвестные элементы. Такие, казалось бы, классические понятия, как «рабочий», «крестьянин» приобрели неустойчивость, аморфность, ведь с изменением жизни, социально-экономического положения, с перемещением из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) теряют свою сущностную основу настолько, что говорить о содержательных однородных признаках весьма затруднительно. А если посмотреть на некоторые внешние признаки, то об этих группах можно говорить с большой долей приблизительности. Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX и XX веков было бы опрометчиво и поспешно. Эти данные могут

в известной мере учитываться, но не могут ответить на злободневные проблемы современности. Они по сути дела являются сущностями второго и третьего порядков, которые надстраиваются над сущностями первого порядка, на что дает ответ другая методологическая парадигма – **социологический номинализм**. Говоря о нем, следует иметь в виду, что эта парадигма, восходящая к М. Веберу, Дж. Хомансу, Дж. Миду, к представителям русской социально-психологической школы конца XIX – начала XX века, обращается к человеку, ориентируется на то, что решающая роль в жизни общества принадлежит процессам взаимодействия людей, процессам их интеграции и дифференциации. Странники этой парадигмы в центр своего анализа ставят личность, считая ее основным понятием социологии. В современной социологии этого подхода придерживаются такие социологические направления, как этнометодология, феноменология и ряд других концепций. Эта парадигма привлекает многих исследователей тем, что обращается ко всему богатству человеческого существования, ко всему богатству восприятия человеком окружающего мира. Но критики этих школ справедливо упрекают их сторонников в психологизации общественных процессов, в абсолютизации компонентов субъективности, в односторонней оценке окружающего мира.

Неудовлетворенность возможностями и эвристическим потенциалом этих парадигм зрела постепенно. Она проявилась в поисках новых концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии. Поэтому, видимо, необходимо посмотреть, как изменяются представления о предмете социологии, какие новые идеи появились в трудах российских ученых и наших зарубежных коллег в последние годы.

Во-первых, было установлено, что ориентация на исследование преимущественно систем и структур неэвристична, ибо она, хотя и может дать строгое описание объекта, но закрывает возможность объяснить его. Понять причину данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии. Это признавал еще Р. Мертон, яркий представитель структурного функционализма, который видел и понимал слабые стороны теории Т. Парсонса¹⁶.

Во-вторых, рассуждения о социальных системах (а под ними стали пониматься не только взаимоотношения и взаимодействия людей, но и более широкие социальные системы – вплоть до человечества в целом, что породило глобалистические концепции в социологии) оживили никогда не исчезавшую тенденцию к по-

гложению социологии социальной философией, ибо при таком подходе исчезала реальность и появлялись некоторые логические конструкты, которые или не имели отношения к повседневной действительности или слишком абстрагировались от нее.

В-третьих, структурно-функциональный подход никак не мог объяснить, как люди «попадают» в эти социальные общности: явившись в мир, человек должен пройти еще ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться со своим социальным положением в обществе. А это положение никаким образом заранее не предопределено: оно зависит не только от объективных обстоятельств, но и от воли, действий и других целенаправленных акций самого человека. О том, что социальные общности как предмет социологии уязвимы, говорит и другой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями в обществах переходного периода, когда эти общности «плывут», не имеют четкой определенности и поэтому не могут быть базой достоверной информации. В этой связи хотелось бы обратить внимание на позиции французского социолога А. Турена, который подвергает резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и новых возможностей для развития общества¹⁷.

И, *наконец*, не следует игнорировать и саму практику социологии, которая не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации — человеку, что предполагает анализ не столько действия каких-то систем, сколько того, что делает человека активным участником исторического процесса.

Если обратиться к ситуации в социологии в конце 1990-х — начале 2000-х годов, то можно сказать, что ее основным характерным признаком становится человекоцентристский подход, ибо современная эпоха выявила непреходящую и все возрастающую ценность человека и его деятельности. В этих рамках человек предстает и как ресурс общественного развития и как носитель социального капитала, который является огромным резервом и импульсом общественного развития. Нравственная и творческая значимость личности подтверждена как соображениями практической целесообразности, так и объективно сформировавшимся заказом на гуманистическую компоненту исторического процесса. Именно такой подход является, на наш взгляд, наиболее эффективным, чтобы понять происходящие эпохальные перемены на пороге XXI века.

Такой подход подготовил и сформировал иные трактовки объекта и предмета социологии. Так, Ю.Г. Волков и И.В. Мостовая уже понимают социологию как «познание ассоциированных (совместных) форм человеческой деятельности», особо подчеркивая не столько социальные, сколько социально-культурные качества. Рассуждая о необходимости уточнения своего понимания предмета социологии, они подчеркивают, что социология «в конечном счете имеет дело с человеческими мнениями и оценками» (имея в виду специфику субъективности самого объекта)¹⁸. И хотя в рассуждениях этих авторов еще в той или иной мере отдается дань структурному функционализму и базирующимся на этом подходе отечественным трактовкам предмета социологии, в целом такой подход ориентирует на вскрытие резервов, заключенных в самой социальной природе человека. Именно это и обусловило уже в более поздней работе вывод о том, что «социология — отрасль науки о человеческом поведении, ставящая своей целью раскрытие причинно-следственных связей, образующихся в процессе социальных отношений между людьми, в процессе взаимодействий и взаимосвязей между индивидами и группами»¹⁹.

Эта позиция, связанная с человеческой компонентой социологии, достаточно убедительно и последовательно выражена в учебном пособии В.Г. Харчевой. Так, анализируя имеющиеся подходы, она сосредоточивает основное внимание на личности, которая в своем социальном воплощении и дает основную социологическую информацию²⁰.

Человековедческий аспект содержится в эоантропоцентрической парадигме в социологии, как утверждает Т.М. Дридзе²¹. Этот крен к человековедческому компоненту обнаруживает и социетальный подход, в котором предпринимаются попытки преодолеть противопоставление общетеоретических концепций и эмпирических исследований²².

Поэтому, на наш взгляд, примечательно, что анализ сложившейся ситуации в западной и отечественной социологии приводит ряд исследователей к следующему выводу: «Микроуровень, уровень социального взаимодействия рядовых граждан становится ареной большой истории. А каждый из участников взаимодействия способен повлиять на его ход и тем самым изменить направление социального процесса. Социология в этих условиях из науки, изучающей макроструктуры общества, становится областью исследования механизма складывания социального процесса в переплетении бесчисленных линий взаимодействия конкретных индивидов»²³.

Все больше и больше социологов склоняются к тому, что к изучению социальной реальности следует подходить с новых позиций. Все это позволяет утверждать, что современные подходы, определяющие предмет социологии, заметно смещаются в направлении человековедения, к признанию того, что анализ проблем жизни людей все больше и больше становится объектом внимания социологии. При этом уместно сделать два замечания.

Первое. Справедливо утверждение, что прошло то время, когда в социальных науках, в том числе и в социологии, общество являлось первостепенным объектом анализа. К настоящему времени уже достаточно отчетливо выявилось, что «за концептуальным фасадом социоцентрических теорий обнаружилась пустота и оторванность от реальной жизни: ведь если «единицы» (людей) считать «нулями», то теория никогда не сойдется с практикой»²⁴.

Второе. Выдвижение на первое место проблем человека не означает, что социология претендует на его познание в том смысле, как это делает биология или психология. Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по своему предназначению, надындивидуальными (поэтому социология употребляет понятие «личность»).

Ответом на эти изменения стала *парадигма социологического конструктивизма, окончательно оформившаяся в конце XX в.* Именно в этот период стали появляться иные трактовки, за которыми стоят неудовлетворенность имеющимися наработками и сомнения относительно определений предмета социологии, учитывающего взаимосвязи между макро- и микромиром; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтологической ориентациями.

Выражением этого конструктивистского подхода становится *концепция социологии жизни*, зачатки которой проявили себя еще в XIX веке, но не привлекли в то время особого внимания. Еще Жан Мари Гюйо (1854 — 1888) выдвинул положение, согласно которому центральным понятием социологии провозглашалась реальная жизнь. В соответствии с этим Гюйо считал индивида интегральной частью социального целого, в которой органически сочетается все многообразие социального мира со всеми его достижениями, противоречиями и нерешенными проблемами. Эта точка зрения получила определенное развитие в теории социального действия (М. Вебер, А. Турен), в теории социально обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), в символическом интеракционизме

(Дж. Мид) и особенно в феноменологической социологии. Но многие из этих теорий и особенно феноменология абсолютизировали только одну сторону жизни — ее субъективность, что давало возможность ее оппонентам справедливо упрекать в односторонности, в психологизации реальности, в игнорировании объективных условий развития. Тем не менее, эту направленность в социологии разделяли все больше и больше социологов XX века. «Идеи и культуры не меняют ход истории — по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании — в системе ценностей и моральном обосновании — толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов»²⁵. Еще более определенную ориентацию на человека как основной предмет исследований социологии выразил Э. Гидденс, назвав ее «ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ»²⁶.

Все это позволяет сделать вывод, что именно социологический конструктивизм и породил одну из своих концепций — *социологию жизни*. Ее ценность заключается в том, что именно сознание и поведение людей выдвигается на первый план при выявлении сущностных положений социологии. Именно анализ такого феномена — «человек в обществе, общество в человеке»²⁷ — составляет сущность конструктивистской парадигмы и позволяет с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе. Причем эта ориентация на такое понимание взаимосвязи человека и общества все больше и больше усиливается.

III

Суть социологии жизни образует целостное, комплексное изучение общественного (в том числе группового и индивидуального) сознания и поведения (деятельности) в условиях социально-экономической, политической и духовно-культурной среды²⁸.

Так как *одним из исходных, базовых понятий социологии жизни является общественное сознание*, отметим, что реальное сознание, вырастая непосредственно из практической деятельности, не отделено от общественного бытия. Более того, оно отражает (и мы думаем, вполне обоснованно) не только случайные, стихийные связи и отношения, но и устойчивые тенденции его развития (пусть и в несовершенном виде). Человек развивается как родовое, общественное существо и прежде всего при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни.

Именно это еще на рубеже XX века отметил А.А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса о природе и обществе, он писал, что в своей борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания»²⁹.

Реальное сознание по своему содержанию представляет собой сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих элементов, устоявшихся традиционных связей и привычек. И если эмоциональный компонент реального сознания больше связан с непосредственным впечатлением, ситуационным воздействием, то его рациональный компонент может интегрировать и прошлый опыт, и уроки не только личной, но и общественной практики, улавливать общественное звучание многих происходящих событий. В этом и проявляется то, что роднит отдельные элементы практического восприятия действительности с научным, теоретическим сознанием. Преобладание стихийного, эмоционального в реальном сознании и поведении ни в коей мере не снимает значимости рационального, возможности в конечном счете определять направленность и зрелость общественного сознания и общественной деятельности.

Кроме того, реальное сознание присуще не только отдельной личности или случайным группам людей. Оно — продукт коллективного творчества, характерного как для всего общества, так и для социальных групп, слоев и общностей. Возникая как реакция на непосредственное восприятие действительности, как отражение сложившихся условий существования, реальное сознание приобретает самостоятельную роль, выражаясь в общественном мнении, умонастроениях людей.

Реальное сознание включает в себя здравый смысл, который не отрицает возможности познания глубинных сущностных процессов — оно даже предполагает его постоянное обогащение и использование в практической жизни человека. Реальное сознание не является результатом какой-то специализированной деятельности (в отличие от конкретных ее форм — политической, эстетической, нравственной и т.д.) и воспроизводится всеми видами деятельности человека. Поскольку любая деятельность несет в себе принципиальные, сущностные моменты общественной деятельности, можно сказать, что сознание, порождаемое этой деятельностью, способно фиксировать общую линию развития. То, что это сознание оперирует «первичными мыслительными формами», ни в коей мере не означает, что сфера реального, практического сознания ограничивается только «мелкими» вопросами

бытия. Именно это противоречие — отражение непосредственно окружающей действительности и возможность глубинного, а не поверхностного ее восприятия — и характеризует состояние реального сознания и соответствующее поведение людей.

Хотя реальное сознание формируется под влиянием непосредственного опыта, в общественном воплощении оно образует своеобразное явление, творцом которого выступают класс, нация, социальная группа или социальный слой. Реальное сознание не есть собрание или механическое обобщение идей и взглядов — оно образует новую специфическую сущность, в которой проявляются устойчивые тенденции, объективно отражающие как состояние сознания, так и глубину осмысления им общественного бытия.

И наконец, реальное сознание отражает общественные противоречия, широкую гамму повседневных коллизий и иллюзий, нередко очень близких по своей сути к обыденному сознанию. «Взятое... как совокупность обыденных переживаний, то есть всех тех горестей и радостей, надежд и разочарований, из которых складывается повседневная жизнь, это обыденное сознание оказывается сплошным беспокойством, по сравнению с которым научное и философское сознание представляются чем-то вроде атараксии мыслителей эпохи эллинизма»³⁰.

При рассмотрении реально функционирующего общественного сознания с точки зрения социологии необходимо обратить внимание на весьма высокую степень его операционализации, хотя и до сих пор мы встречаем утверждение, что изучение общественного, группового и индивидуального сознания является прерогативой только философии, психологии и естествознания. Несмотря на кажущуюся трудность (с чего начать?), следует исходить из представлений, что *общественное сознание состоит из и, соответственно, исследуется при помощи таких его компонентов, как: знания, убеждения, мнения* (когда социолог выясняет, что люди знают, насколько они информированы, насколько «научно» их понимание тех или иных процессов и явлений); *ценностные ориентации* (какие устремления, желания рассматриваются как важное условие существования, каковы оценки и регулирования поведения), *мотивы и потребности* (на реализацию каких потребностей и *интересов* направлены усилия людей), *установки* (ценностные отношения к социальному объекту, психологически выражающиеся в готовности к положительной или отрицательной реакции на него).

На наш взгляд, особо пристальное внимание надо обратить на феномен социального настроения — доминантную характеристику общественного сознания, которая, как показывают результаты социологических исследований, является устойчивой характеристикой при возможных, весьма изменчивых, показателях отношения людей к конкретным экономическим и социальным реалиям³¹.

Вместе с тем, очевидно, что *при изучении социальной жизни* компоненты общественного сознания (знания, потребности, мотивы, ценности, установки) становятся *реальной силой только тогда, когда они воплощаются в деятельности, в поведении людей*. Не секрет, что не все общественные намерения, желания, ориентации по тем или иным причинам реализуются в поступках, в акциях, в реальных делах. Понять, что мешает их претворить в жизнь — в этом состоит одна из важнейших задач любого социологического исследования.

Таким образом, для социологии важно познать процесс «превращения общественного сознания в общественную силу»³². Живое, практическое сознание и поведение — это реально функционирующая общественная жизнь во всем сложном переплетении как закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному сознанию и поведению — как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему в условиях непосредственно практического опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) элементы теоретического сознания, позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выявить общее, присущее не только всем сферам общественной жизни, но и различным социально-экономическим системам.

В этой связи хотелось бы напомнить данную П.А. Сорокиным характеристику социологии как «науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных»³³. Итак, вторым базовым понятием является *поведение людей*, которое выступает ступенью реализации всех или отдельных компонентов реально функционирующего общественного сознания. Сознание и поведение неразрывно связаны между собой, обуславливают друг друга, постоянно взаимодействуют, обогащают друг друга и конфликтуют между собой. Поэтому их нужно анализировать в неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Иначе говоря, *реальное, живое сознание и поведение — самые «богатые» по своим проявлениям общественные процессы*.

Фактически они отражают на эмпирическом уровне состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов, всей общественной жизни. Поэтому их исследование создает важную основу для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни — от экономической до духовной.

Однако, чтобы не впасть в субъективизм, следует отметить, что, на наш взгляд, **необходимо принимать во внимание не просто сознание и поведение, а их функционирование в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние всех видов общественной макро-, мезо- и микросреды.** Социолог призван учитывать «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение людей, «каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)...»³⁴. Иначе говоря, живое, практически функционирующее сознание — это и есть сознание деятельного человека.

Таким образом, сознание и поведение человека в конкретной социально-исторической обстановке, которые обуславливают появление и функционирование различных социально-демографических, национальных, социально-профессиональных структур, и являются предметом социологии. Изучение сознания и поведения людей переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человечества.

В этой связи уместно напомнить, что **общественное сознание и поведение становятся предметом изучения только в условиях гражданского общества** — общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса, как результат наступления эры новой истории, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных революций, от того времени, когда общество отделилось от государства. Ни у кого не вызывает сомнения, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнений людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может продемонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни,

когда он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. О том, что творцом и движущей силой развития этого общества является сознание и поведение людей, говорит и такое образное выражение английского историка и философа Т. Карлейля: «Революции происходят не на баррикадах — они проходят в умах и сердцах людей!»

Обобщая сказанное, можно утверждать, что социология — это наука о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества. **Предмет социологии как науки включает: реальное общественное сознание** во всем его противоречивом развитии; **деятельность, действительное поведение людей**, которые выступают как предметное воплощение (по форме и содержанию) знаний, установок, ценностных ориентаций, потребностей и интересов, фиксируемых в живом сознании; **условия, в которых развиваются и осуществляются реальное сознание и деятельность, действительное поведение людей.**

Все перечисленное позволяет нам назвать данную концепцию **социологией жизни**, так как она оперирует показателями отношений людей к реальным проблемам, ситуациям, их взаимодействиям с ними, отношением людей ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Култыгин В.П.* Классическая социология. — М., 2000; *Кравченко С.А.* Социология. — М., 2007.

² См. подробнее: *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX — XX вв. — М., 1995; *Култыгин В.П.* История русской социологии. — М., 1994; *Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX — н. XX в. — М., 1993; *Кукушкина Е.И.* История социологии. — М., 2009.

³ См.: *Глезерман Г., Келле В., Пилипенко Н.* Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия // Коммунист. 1971. № 4.

⁴ См., например: *Молевич Е.Ф.* Общая социология. Учеб. пособие. Ч. 1 — 2. — Самара, 1997.

⁵ См.: *Здравомыслов А.Г.* Социология: теория, история, практика. — М., 2008.

⁶ Социология. Учеб. пособие / под ред. Э.В. Тадевосяна. — М., 1995. — С. 7; см. также: *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма. Популярный учебник по марксистской социологии. — М., 1921 (перезд.: 1993 и 2008).

⁷ См.: *Ильичев Л.Ф.* Исторический материализм. Проблемы методологии. – М., 1983; *Константинов В.Ф., Келле В.Ж.* Исторический материализм – марксистская социология // *Коммунист.* 1966. № 1; *Чесноков Д.И.* Исторический материализм. – М., 1964. – С. 10.

⁸ См., например: *Социология / под ред. В.Н. Лавриненко.* – М., 2002.

⁹ *Давыдов А.А.* Системные преимущества системной социологии. – М., 2008; см. также: *Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. – М., 2001.

¹⁰ См.: *Рожин В.П.* Введение в марксистскую социологию. – Л., 1962; *Тугаринов В.П.* Личность и общество. – Л., 1965.

¹¹ *Осинов Г.В.* Введение в социологическую теорию. – М., 2010. – С. 22.

¹² См.: *Иванов В.Н.* Социология в системе научного управления обществом. – М., 1984. – С. 8–9; *Волков Ю.Е.* Социология. – М., 2010.

¹³ *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М., 1998. – С. 36.

¹⁴ *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. – М., 1996; *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Общая социология. – М., 2011.

¹⁵ *Барзгова Е.С.* Нетрадиционная социология в России? // *СОЦИС.* 1997. № 10. – С. 121.

¹⁶ См.: *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // *Американская социологическая мысль.* – М., 1996. – С. 431.

¹⁷ См.: *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерки социологии. – М., 1998. – С. 12–18.

¹⁸ *Волков Ю.Г., Мостовая И.В.* Социология. Учебник. – М., 1998.

¹⁹ *Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Попов А.В., Самыгин С.И.* Социология. Курс лекций. – Ростов-на-Дону, 1998.

²⁰ См.: *Харчева В.Г.* Основы социологии. – М., 1997.

²¹ См.: *Дридзе Т.М.* Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // *СОЦИС.* 2000. № 2.

²² См.: *Латин Н.И.* Общая социология. – М., 2006.

²³ *Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е.* Социология: парадигмы и темы. Курс лекций. – М., 1997. – С. 29.

²⁴ *Волков Ю.Г., Мостовая И.В.* Социология. – С. 16.

²⁵ *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999.

²⁶ *Гидденс Э.* Социология. – М., 1999. – С. 20.

²⁷ См.: *Бергер П.* Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. – М., 1996.

²⁸ См.: *Тоценко Ж.Т.* Социология. – М., 2005; *Тоценко Ж.Т.* Парадоксальный человек. – М., 2008.

²⁹ *Богданов А.А.* Из психологии общества. – СПб., 1906. – С. 57.

³⁰ *Ойзерман Т.И.* Философия и обыденное сознание // *Вопросы философии.* 1967. № 4. – С. 127.

³¹ См.: *Тоценко Ж., Харченко С.* Социальное настроение. – М., 1996; *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. – М., 2000.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. – С. 198.

³³ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 534.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. – С. 396.

Аннотация

В статье анализируются различные теории и концепции социологии. По мнению автора, все многообразие существующих точек зрения можно свести к трем парадигмам. Это, во-первых, **социологический реализм** (центральное понятие – общество). Во-вторых, это **социологический номинализм** (основное понятие – человек). В-третьих, **социологический конструктивизм** (к. XX в.), определяющий социологию как исследование социальной реальности (взаимосвязь между макро- и микромиром; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом). Выражением последнего подхода является **концепция социологии жизни**, суть которой выражается в определении – «человек в обществе, общество в человеке» (П. Бергер). Социология жизни – это концепция движущих сил сознания и поведения людей и их функционирования в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние общественной макро-, мезо- и микросреды.

Ключевые слова:

социология, теории и концепции социологии, парадигмы социологии, социология жизни.

Summary

The author analyses the different theories and conceptions of sociology. To author's opinion, all variety of points of view comes to three paradigms. First, there is sociological realism (basic concept – society). Second, there is sociological nominalism (basic concept – social human being). Third paradigm is sociological constructivism. This paradigm considers, that sociology studies social reality (interactions between macro- and micro-world, between objective nature of the external world and subjective and value approach to explanation of social life). One of conceptions of this paradigm is sociology of life. Essence of this conception – «man – in society, society – in man» (P. Berger). Sociology of life is the theory of motive power of social consciousness and social behavior as the members of civil society and their function in concrete socio-economical, socio-political and socio-cultural conditions, reflecting the influence of social macro-, mezo- and micro surroundings.

Keywords:

sociology, theories and conceptions of sociology, sociological paradigms, sociology of life.